

В диссертационный совета 24.2.320.07,
созданный на базе федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Кубанский государственный университет»,
350000, г. Краснодар, ул. Раппиловская, 43, ауд. 11.

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Усенко Александра Сергеевича «Подотрасли уголовного права: теоретико-прикладное исследование», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Актуальность темы диссертационного исследования, осуществленного А.С. Усенко, не вызывает сомнений. И без того бурно расширяющееся уголовное законодательство России за последние три с половиной года пополнилось семью десятками новых законов, существенно дополняющих и изменяющих Уголовный кодекс Российской Федерации. При таких обстоятельствах приобретает особую значимость незыблемость теоретических представлений о системно-структурной организации российского уголовного права (либо, напротив, возможность или необходимость корректировки таких представлений). Исходя из господствующего в теории права представления о триаде элементов «норма права – институт права – отрасль права», автор признает, что в процессе развития в отечественном уголовном праве появляются новые образования, не укладывающиеся в рамки привычных элементов, поэтому назрела необходимость в теоретическом осмыслении возможности (или необходимости) уточнения представлений о системно-структурной организации уголовного права за счет ее пополнения такими элементами, как субинституты и подотрасли.

Поставленная автором цель диссертационного исследования – разработка и аргументация основных положений теоретико-прикладной концепции, раскрывающей содержательные и функциональные характеристики подотрасли уголовного права, предполагает решение ряда поставленных автором задач, в числе которых особо значимыми в плане раскрытия темы исследования представляются:

1) выявление основных признаков подотрасли уголовного права, оснований и критериев ее формирования; 2) обоснование наличия конкретных подотраслей в структуре уголовного права.

Научная новизна исследования определяется, во-первых, теоретической позицией автора, исходящего из критической недостаточности специфики предмета и метода отраслевого правового регулирования в качестве основы формирования подотраслей в уголовном праве; во-вторых, обоснованием возможности подотраслевой организации уголовно-правовых предписаний на основе категории «уголовно-правовой режим»; в-третьих, обоснованием подотраслевого статуса военного уголовного права, молодежного уголовного права и уголовного права проступков с характеристикой каждой из указанных подотраслей.

Научная новизна исследования обозначена автором в положениях, вынесенных на защиту.

Необходимый научный уровень диссертации обеспечен методологией и методикой исследования, а также использованием большого объема нормативного (в том числе – зарубежного) материала, огромного массива монографической, журнальной, учебной и другой специальной литературы. Сформулированные в диссертации положения, выводы и предложения продолжают традиции кубанской научной школы «Институциональные основы уголовного права Российской Федерации», основы которой были заложены в докторской диссертации В.П. Коняхина (2002), (которая, к сожалению, не значится в списке использованной соискателем литературы), продолжены и развиты в докторских диссертациях М.С. Жука (2013), Р.Г. Асланяна (2023), кандидатской диссертации С.П. Усенко (2023) и трудах других членов кафедры.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что его результаты развивают и углубляют доктринальные представления о системно-структурной организации уголовного права, об основаниях выделения его подотраслей, признаках подотрасли уголовного права и критериях их формирования, содержит авторское представление о номенклатуре и содержании подотраслей уголовного права, в том числе и потенциальной (модельной) подотрасли – уголовного проступков.

Практическое значение результатов диссертационного исследования заключается в том, что автор не только выявил нормативную недостаточность и структурную разбалансировку уголовно-правовых предписаний, но и наметил перспективные направления устранения выявленных недостатков системы уголовного права в процессе дальнейшей законопроектной деятельности.

Результаты исследования и сформулированные автором предложения могут быть использованы в последующей научно-исследовательской работе по изучению системно-структурных параметров отрасли уголовного права и юридико-техническому оформлению уголовно-правовых предписаний, а также в образовательном процессе в высших юридических учебных заведениях.

Достоверность и обоснованность сформулированных в диссертации положений, гипотез и выводов обеспечиваются как методологией и методикой исследования, так и обширным массивом нормативного и доктринального материала (461 источник), а также результатами анкетирования научных и научно-педагогических работников, специализирующихся на вопросах исследования уголовного права (Приложение А к диссертации).

Достоинством рецензируемой диссертации является очень солидная теоретическая база исследования: достижения общей теории права и отраслевых юридических наук (прежде всего – уголовно-правовой науки) в догматическом и историческом аспектах.

Ряд наиболее существенных положений диссертации иллюстрируется диаграммами (с. 29, 79, 148) и таблицей (с. 210)

Основные положения диссертации апробированы автором в двенадцати научных статьях, шесть из которых опубликованы в научных журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ. Теоретические положения, выводы и рекомендации по теме исследования докладывались соискателем на семи научно-практических конференциях, в том числе на двух международных, четырех всероссийских и одной региональной.

Многие положения диссертации представляют несомненный научный интерес, поэтому заслуживают внимания и поддержки.

Автор, безусловно, прав в том, что системность является неотъемлемым свойством права. Не вызывают возражений авторское определение системности, соображения о структурных элементах системы права, о соотношении между отраслью права и ее подотраслью (с. 19-24), а также предложения, направленные на совершенствование системной организации и строения уголовного права.

Следует признать правоту соискателя и в том, что «внешнее оформление подотраслей в уголовном праве может мыслиться только в качестве крупного подразделения кодифицированного закона – раздела» (с. 74), хотя его позиция требует уточнения: имеется ли в виду раздел (скорее – глава) Особенной части или достаточно его выделения в Общей части УК.

Заслугой автора можно считать его попытку сформулировать признаки подотрасли права (с. 78-79), хотя перечень и содержание признаков можно оспорить.

Внимания и одобрения заслуживают и другие положения диссертационной работы.

Отмечая несомненные достоинства диссертационного исследования, осуществленного А.С. Усенко, необходимо отметить наличие в нем некоторых неточностей, противоречий и спорных положений.

1. Ключевым понятием диссертации является понятие режима правового регулирования общественных отношений. По мнению А.С. Усенко, именно он служит основанием для выделения подотраслей уголовного права. Такой режим именуется в диссертации особым (с. 12, 57), особенным (с. 45), специальным (с. 60, 78), отдельным (с. 60) с пояснениями, что его специфика заключается в применении «особого комплекса юридических средств» (с. 48), «особого правового регулирования» (с. 54), «специфический механизм правового регулирования, его особый порядок» (с. 57-58), правовой режим обеспечивает специальное воздействие (с. 60). Однако ни в общетеоретических главах, ни в параграфах главы 3 понятие специфического механизма правового регулирования в содержательном плане не раскрывается. При таком подходе любой исследователь легко может обосновать (с позиции А.С. Усенко) существование подотраслей и экономического, и экологического, и антитеррористи-

ческого уголовного права, добавив к своим аргументам утверждение о том, законодатель, руководствуясь конституционно значимыми целями, установил особый режим правового регулирования в отношении определенного блока уголовно-правовых отношений.

2. Разделяя общепризнанное мнение о существовании подотрасли военно-уголовного права, соискатель считает, что военно-уголовное право сохраняет свой подотраслевой статус независимо от того, включает ли оно нормы об ответственности за преступления, совершенные в военное время или в боевой обстановке, поскольку военно-уголовные правоотношения и военное время не являются самостоятельными, отличными друг от друга предметами регулирования (с. 138).

Разумеется, автор прав в том, что военно-уголовное право в качестве подотрасли уголовного права не может существовать только в период военного времени. Но, с другой стороны, оно не может существовать и только в мирное время, поскольку перестает быть именно **военно-уголовным**. При полной кодификации уголовного законодательства военно-уголовное право должно регламентировать ответственность военнослужащих за преступления, совершенные как в мирное, так и военное время. Только в таком объеме оно приобретает статус подотрасли уголовного права.

В России военно-уголовное право сформировалось как законодательство об ответственности за преступления, связанные преимущественно с военными действиями (Артикул воинский, главы 8-12 книги 5 Морского устава Петра Великого). Советские уголовные кодексы сохранили эту традицию. Уголовный кодекс Российской Федерации ее нарушил: исключил из главы о воинских преступлениях нормы о преступлениях, совершение которых возможно только в условиях боестолкновений (самовольное оставление части в боевой обстановке; сдача или оставление противнику средств ведения войны; самовольное оставление поля сражения; добровольная сдача в плен; преступные действия военнослужащего, находящегося в плену; мародерство; дурное обращение с военнопленными; незаконное ношение знаков

Красного Креста или Красного Полумесяца), а также квалифицирующие признаки совершения деяния в военное время или в боевой обстановке.

Примечание к ст. 331 УК (в ред. 1996 г.) внесло серьезные изменения в понятие воинского преступления.

Во-первых, остались «за кадром» преступления, которые являются воинскими в собственном смысле (от слова «воин»).

Во-вторых, к субъектам воинских преступлений помимо военных (профессия которых – Родину защищать: войска Министерства обороны, Пограничные войска, Росгвардия) закон относит лиц смежных профессий, решающих иные задачи как в составе Министерства обороны (военные строители, военные врачи, военные музыканты и т.д.), так и в рамках других служб и ведомств (Служба внешней разведки, органы государственной охраны, подразделения МЧС, пожарной охраны и т.д.).

Вопреки мнению диссертанта, изменения военно-уголовного законодательства, связанные с первоначальной редакцией ст. 331 УК РФ, носило не технический, а принципиальный характер: глава аккумулировала служебные преступления не только военных, но всех лиц, относящихся к категории военнослужащих, причем только в мирное время. При таких обстоятельствах глава 33 УК РФ утратила право называться «Воинские преступления», ее скорее следовало именовать «Преступления против военной службы». Кстати, именно так реагировали на новое понимание воинских преступлений некоторые представители уголовно-правовой науки (например, докторская диссертация Н.А. Шулепова «Теоретические основы реализации уголовной ответственности военнослужащих» - 2001 г.). Такая позиция существовала не только в науке, но и в паспорте научных специальностей Высшей аттестационной комиссии (например, кандидатская диссертация О.К. Зателепина на тему «Объект преступления против военной службы» защищалась в 1999 г. по специальности 20.02.03 Военное право. Военные проблемы международного права (правда, с присвоением ученой степени кандидата юридических наук).

Специального субъекта воинских преступлений (особенно – с учетом широкого понимания военнослужащего – ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 28.03.1998 №

53-ФЗ (ред. от 04.11.2025) «О воинской обязанности и военной службе») еще недостаточно для придания нормам о таких преступлениях статуса подотрасли уголовного права. Этот статус был утрачен с принятием УК РФ (примечание к ст. 331) и возвращен военно-уголовному праву только законом от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

3. Содержание главы 3 не в полной мере соответствует поставленной соискателем задачи – «обоснование наличия конкретных подотраслей в структуре уголовного права» (с. 6).

На защиту вынесено положение о том, что «современная подотраслевая организация уголовно-правовых предписаний позволяет обосновать наличие в структуре отрасли уголовного права трех подотраслей»: военно-уголовного, молодежного и уголовного права проступков (с. 14).

Однако, по сути, автор признает наличие только одной подотрасли российского уголовного права – военно-уголовного. Право уголовных проступков мыслится как модельная, перспективная подотрасль, которой еще только предстоит сформироваться.

Что касается молодежного уголовного права, то его выделение противоречит авторскому же пониманию этой подотрасли как комплекса норм *об уголовной ответственности* трех категорий лиц: 1) несовершеннолетних как субъектов преступления; 2) несовершеннолетних как несубъектов преступления (ч. 3 ст. 20 УК); 3) молодых взрослых. Но в Особенной части УК РФ нет подобного блока норм, а глава 20 УК никак не вписывается в авторскую трактовку содержания молодежного уголовного права. Да и сам А.С. Усенко признает правоту тех исследователей, которые «видят в молодежном праве комплексную отрасль, охватывающую собой различные по изначальной отраслевой природе предписания» (с. 183).

При таком подходе к номенклатуре подотраслей совершенно непонятно, почему соискатель не считает подотраслью российского уголовного права международное уголовное (международно-уголовное) право, существование которого прак-

тически общепризнано в отечественном уголовном праве. Более того, в юридических вузах оно давно стало учебной дисциплиной, по которой написано немало учебников и учебных пособий, включая подготовленный кафедрой уголовного права и криминологии Кубанского гос. университета под редакцией В.П. Коняхина учебник «Международное уголовное право: российский концепт. Общая, Особенная и Специальная части» (2025).

4. По общему правилу А.С. Усенко очень корректно обращается с текстом произведений тех авторов, с которыми он вступает в полемику. Но есть и досадные исключения из этого общего правила.

Так, резко критикуя предложение ряда авторов выделить медицинское уголовное право в качестве подотрасли (с. 128-129), диссертант, во-первых, забывает о том, что данное предложение вносится *в порядке постановки вопроса* и предполагает обособление блока норм о преступлениях, совершаемых в сфере оказания профессиональной медицинской помощи, в самостоятельное структурное подразделение УК подобно тому, как это сделано в ряде стран (например, Казахстан, Киргизия, Эстония). Во-вторых, не вполне удачная формулировка о развитии «новой отрасли уголовного права – медицинского уголовного права и медицинского спортивного права как его подотрасли», использованная одним из соавторов, приписывается авторскому коллективу, который придерживается иного мнения: «в настоящее время имеются все необходимые предпосылки для выделения группы норм Российского Уголовного кодекса в автономную подотрасль, а в перспективе – в самостоятельную главу о преступлениях в сфере медицинского обслуживания населения» (А.И. Рарог, Т.Г. Понятовская, А.А. Бимбинов, В.Н. Воронин. Фармацевтическое уголовное право России. М., 2019. С. 39). Эта точка зрения воспроизведена и в более поздней работе тех же авторов (см.: Медицинское уголовное право. М., 2023. С. 23).

Высказанные замечания не влияют общую высокую оценку диссертационной работы А.С. Усенко, поскольку касаются дискуссионных вопросов и не затрагивают концептуальных положений диссертационного исследования.

В целом диссертационная работа А.С. Усенко на тему «Подотрасли уголовного права: теоретико-прикладное исследование» является научной квалификационной работой, которая написана автором самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит решение научной задачи, имеющей существенное значение для развития науки уголовного права и свидетельствует о личном вкладе автора в науку. Предложенные автором решения аргументированы и оценены по сравнению с другими известными решениями. Таким образом, диссертация А.С. Усенко соответствует требованиям п. 9-11 Положения о присуждении ученых степеней от 24 сентября 2013 г. № 842 (в ред. от 16.10.2024 г.), а ее автор Усенко Александр Сергеевич заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Официальный оппонент:

профессор кафедры уголовного права

ФГАОУ ВО «Московский государственный

юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

доктор юридических наук, профессор,

Заслуженный деятель науки РФ

Алексей Иванович Рарог

«17» ноября 2025 г.

(125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», тел. (499) 244-88-88, e-mail: lab.kugp@msal.ru)

Подпись заверяю
Начальник отдела по учетно-аналитическим
Управления кадров
Университета имени О.Е. Кутафина

(подпись)

С отзывом ознакомлен. Утм / А.С. Усенко 27.11.2025